

Коссе. Арсвади. - 1987 - 29 июля

Боясь перечитывать Гайдара. Этот страх не сродни страху перечитывать, скажем, Дюма или Марка Твена: а вдруг не понравится? Тут другое: а вдруг окажутся правы мои сегодняшние, взрослые собеседники, для которых Гайдар — писатель слишком военный?

И верно, куда ни кинь взгляд — в «Судьбу барабанщика» или в «Тимура», в «Школа» или в любой другой рассказ, повесть, отрывок — всюду тянет порохом, оружейным маслом, струится над лесом дым таинственного взрыва, везде или воспоминание о самом важном, что было в прошлом, или думы о самом главном, что ждет в будущем, — о войне.

А одна из самых дорогих, лучших его вещей — так и называется: «Военная тайна».

Написал и только сейчас вдруг понял: а ведь и для меня самого в детстве два этих слова были пострашнее любой клятвы, музыкальнее и очаровательнее любой песни. «Военная тайна». ...Очень хотелось иметь тайну, и именно военную.

Конечно, Гайдар — для будущих мужчин писатель, прежде всего, это так, но разве только в вечной озабоченности мальчишек военными играми — «шанс» для Гайдара остаться? И разве отменяет этот «шанс» вопрос непрочитавших Гайдара: не устала ли музыка оружейных затворов и романтика длиннополых шинелей и командирских сабель — сегодня, в век мирных контактов и всеобщей гуманизации?

Да, вопрос...

Все-таки скорость жизни была страшной: в двадцать лет Гайдар был уволен из армии. Потерял все, пережил катастрофу — ибо был он кадровым военным: обученным, обстрелянным, прошедшим путь от адъютанта до комполка, воевавшим на фронтах Кавказском и Польском, гонявшимся за бандами на Тамбовщине и в Сибири.

...Ну а в тридцать семь, уже известным, заслуженным, уже почти старым — ведь позади была сложнейшая, драматичнейшая писательская биография (помимо биографии военной и журналистской), приступы тяжкой болезни, личные драмы — уехал военкомом «Комсомолки» в Киев, исчез в окружении, стал партизанским пулеметчиком, наравлся на засаду.

Погиб. ...Странное чувство испытываю я, перебирая эти всем известные факты гайдаровской биографии. С одной стороны — именно они создали тот образ лихого всадника, на полном скаку влетевшего в литературу, писателя-пулеметчика.

С другой стороны — я понимаю (вслед за писателем Борисом Камовым, посвятившим свое творчество изучению гайдаровской судьбы), что факты эти скручиваются в железную схему его жизни, где конец жестко определен началом. Демобилизованный из армии в двадцать, Гайдар через все свои заслуги, брони, тяжелейшие медицинские противопоказания, через все возможности выбраться из окружения — в тридцать семь невероятным усилием вернул себя в армию. К пулемету. К родному пороховому запаху.

...

Вот он сидит на одной из сохранившихся военных фотографий — каска, автомат ППП... Грузная невоенная фигура, круглое, излучающее глубоко мирный свет лицо — так и хочется ему крикнуть: «Мы знаем, верим — ты доказал, ты можешь воевать! Воюй!»

Но он не возвращается. Да, факты упрямы, но упрямы и вопрос — нет, не о том, надо или не надо его читать, это каждый должен решать сам, вопрос похотелее — читают ли? И если не читают, не хотят, то почему? Не потому ли, что между текстом и читателем встал во весь рост учитель с хрестоматийной указкой...

...

У хрестоматийных образцов есть такая черта — вынь из них всего-навсего одну деталь, и все рассыпается. Эту операцию и произвел Тимур Гайдар, сын писателя, в июльском номере прошлогоднего «Нового мира».

Он по-своему объяснил происхождение псевдонима «Гайдар» — нет, не «всадник, скачущий вперед», учти это, учитель литературы с хрестоматийной указкой! — а всего лишь мальчишеская игра в шифр, основанная на хорошем знании французского: Голиков Аркадий (ГА) из Арзамаса (по-французски здесь появляется приставка д', как у д'Артаньяна) — ГАЙДАР.

Вот так так! Наверное, впервые в гайдаровской литературе именно так поставлен акцент — назад, в происхождение, в почву, вырастившую Гайдара, во французский язык и реальное училище, в отца-учителя, вообще в интеллигентность его семьи.

...Случайно ли это? Конечно, нет. Талант писателя — в том, чтобы расставить слова по единственно нужным местам. Не помню, кто это сказал. У Гайдара — именно так.

Он остался в детской литературе писателем с удивительно высокой, совестливостью, с удивительно выраженной моральной темой.

И оттого кнейги его не жестоки, а трагичны. Хотя могли бы быть жестоки, потому что Гайдар — всего одно из его уникальных свойств — не боится смерти

своих героев, даже таких маленьких, как Алька, и не боится вкладывать в руки своих мальчишек настоящее оружие и пелиться в — чело века...

Но вот «Школа» — первая крупная вещь, где по сюжету отцовский маузер — едва ли не главный герой. А вещь получилась о горькой цене ошибки. Горькой потому, что платят за них другие, и иногда — жизнью.

Не «тяжеловато» ли для детской литературы?

А вот «Тимур» — вещь воспитательная, даже дидактическая отчасти, там, как вы помните, хорошие мальчишки побеждают плохих, и совершают массу полезных дел, и...

Однако читаем — а повесть-то, оказывается, о том, как мальчик за недоверие взрослых, за их озлобленность даже, за свое одиночество — расплачивается добром.

И добрые поступки его — с отчаяния. Можно сказать, на зло. Добро — назло.

...Причем сложнейшая эта динамика подростковых чувств выражена Гайдаром без хаоса внутренних монологов, напряженных «раздумий» — как сделали бы это сейчас детские писатели — только на подчеркнутых внешних деталях, диалогах, действиях.

Вот здесь хочется остановиться: а гайдаровском трагизме речь зашла, а ведь его так не хватает в сегодняшних книгах для детей, подлинно-

дару. Возможно, такой и была романтика тридцатых — сочетанием бескрайнего сентиментализма и солдатской суровости, однако сегодня в этом сочетании видится скорее душевная драма поколения, вынужденного постоянно смотреть прямо в глаза призраку будущей войны.

***

К слову о том, что в шестнадцать лет командовал полком. Гайдар едет в Моршанск, чтобы принять 58-й полк. Его встречает комиссар Бычков — опытный, мудрый, взрослый человек двадцати семи лет.

«— Судьба полка, Аркадий Петрович, зависит теперь в первую очередь от вас, от того, как вас примут, как сумеете себя поставить. Тем более вы еще так молоды... Я, конечно, соберу коммунистов, подготовлю, а пока, — произнес Бычков еще тише: — чтоб не давать поводов к насмешке... снимите с себя, пожалуйста, часть вашей амуниции. Пока мы не в бою, вам, наверно, не нужен артиллерийский бинокль и не обязательно ходить с такой длинной саблей. И тем более вам, наверно, не нужны мушкетерские шпэры». (Б. Камов. «Гайдар», ЖЗЛ).

Стоит ли сегодня Гайдара делать героем приключенче-

ГОЛОС ТРУБЫ

Он слышен во всех его книгах — как отзвук далеких боев, как камертон его поколения

го трагизма и подлинного конфликта.

Но, с другой стороны, не прикажешь же писателям: «Вудье трагичны!» У каждого поколения — свой лад, свой тон, своя драма. Вспомним знаменитую сцену в «Тимуре»: отец Женьки, захлопывающий бронированный люк, и его ироническая усмешка над последними словами дочки: «Папа, ты в мягком?». «В мягком», — улыбается железный красноречивый рыцарь, и люк захлопывается. Это ведь сам Гайдар смотрит на рыцаря глазами мальчишки — смотрит с огромной, сжимающей нутро завистью: командир управляет на настоящую войну!

На глаза попало малоизвестное письмо Николая Островского: поздравляя друга с рождением сына, он желает новорожденному, «...чтобы парнишка был не меньше комбата при взятии Красной Армии Европы...».

Конечно, война бушевала вовне — в Испании и на Халхин-Голе, она была в газетных сводках, да и просто в быте тех дней. Но война была и внутри, ее незаживающие раны, ее пламя бушевало и в груди у этого поколения. Они были создателями, а не завоевателями по сути — и доказали это своей судьбой, своим творчеством — но мир, сдвинутый революцией с оси, но пожар гражданской оставили в их душах глубочайший след, «это есть наш последний и решительный бой» — то для них была не песня, а принцип, способ жить.

***

После выхода «Военной тайны» вокруг повести развернулась бурная дискуссия (на страницах журнала «Детская литература» она продолжалась полгода), после которой Гайдар слег в больницу. Автора обвиняли во многих грехах, в частности, — в сентиментальности. Вероятно, Гайдар это слово сильно резало слух...

А по-моему, эта черта действительно характерна для всего его творчества, без исключения, а в «Военной тайне» лишь высветилась с наибольшей полнотой. Но за прошедшие полвека этот вопрос по отношению к гайдаровской прозе следует задавать по-другому: не — «должна ли быть детская литература сентиментальной?», а — «может ли она не быть сентиментальной?». Изменило существо вопроса само бытие в нашей литературе гайдаровских повестей. Вот только держится эта сентиментальность не на выспренных сюжетах, а на подлинных человеческих драмах, на той исторической тревоге за судьбу Родины, ее мальчишек и девчонок, которые делают правдивыми самые сильно выраженные, самые, казалось бы, экзальтированные эмоции его героев.

Я не знаю, можно ли назвать эту черту романтизмом — еще одно отнюдь не плохое определение, которое намертво приклеилось к Гай-

дару? Не знаю. По возрасту — да, прямо-таки капитан «Сорви-голова», а по сути? А по сути — юноша на войне, где брат на брата, сын на отца, где многие на той стороне — случайно, слепо, от свинцового, тяжелой усталости...

Перечитайте еще раз хрестоматийный кусочек из «Судьбы барабанщика», где отец поет сыну солдатскую песню — сколько грусти, даже тоски в этих строчках!

А солдатская-то песня — Лермонтов, перевод из Гете...

***

Нельзя не сказать и о Гайдаре «для маленьких». Лучшие его вещи из этого ряда: «Чук и Гек», «Голубая чашка» — они же и самые «мирные», светлые, радостные.

А это волшебное гайдаровское «гей!» — которое непонятно что означает, а вернее, означает все — и радость, и озабоченность, и порыв, и смирение. Словом, все, что мы переживаем в детстве, — как всегда, одновременно.

Но нерв гайдаровской прозы — правда человеческих отношений, правда о взрослеющей душе — и здесь остается главным.

Ведь сюжет «Голубой чашки», ее завязка — разрыв, Диву даешься, как в чистой, легкой прозе для маленьких Гайдар сумел передать то, что отец Светланы уходит из дому, в общем-то, всерьез. Есть ведь в детской литературе целая система «табу», и сегодня действующая, обладающая силой неписаного закона.

И одно из главных составляющих этой системы запретов — грозный редакторский вопрос: «А для какого это возраста, простите!». Если про разрыв родителей — это в другую редакцию, для «старшего школьного».

А если про: «Людям, которые кричат «жидовна!», место только «в фашистском царстве»? Это куда? По редакторской логике — куда-нибудь подальше, «для служебного пользования». А по нашей, человеческой?

***

Строго говоря, к каждому моему обращению к гайдаровскому тексту следовало бы делать прибавление: «не я первый заметил, что...», «не я первый обратил внимание». О нем написано очень много, и фильмы о нем сняты, и музеи открыты, а уж школьным музеям нет числа, — словом, памятью не обойден.

Держу в руках одно из последних изданий — библиотечка «Мир приключений», издательство «Правда». В общем, хорошо, что издают Гайдара, да и приключений у него действительно хоть отбавляй, и в аннотации, конечно, все верно сказано: «В настоящий сборник... вошли произведения, наполненные романтикой революционной борьбы...».

Не вошли сюда, скажем, «Школа» и «Тимур» — получается, не «наполнены»? Или «наполнены», но не очень?

Не пора ли задуматься о том, что у Гайдара и романтика, и трагедия, и этический урок — неразделимы? И что давно пора заняться Гайдаром взрослой критикой, определить точное место в на-

(Окончание на 2-й стр.).